

Роберт Стивенсон

**Повесть о доме с
зелеными ставнями**

Роберт Льюис Стивенсон
Повесть о доме с
зелеными ставнями
Серия «Новые тысячи и одна ночь»
Серия «Алмаз раджи», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6661704

Аннотация

«Фрэнсис Скримджир служил чиновником шотландского банка в Эдинбурге. Ему было двадцать пять лет. Жизнь он вел спокойную, почтенную, тихо семейную. Мать его умерла, еще когда он был молод, но его отец, человек здравомыслящий и честный, дал ему превосходное школьное образование и развил в нем привычку к порядку и умеренности. Фрэнсис служил усердно, отдавался своему делу всей душой. Субботняя прогулка, обед дома в семье, ежегодно двухнедельная поездка в шотландские горы или на континент – таковы были его главнейшие развлечения. Начальство любило и ценило его с каждым днем все больше и больше, он получал уже двести фунтов в год жалованья и имел в виду дослужиться напоследок до места с вдвое большим окладом. Мало было молодых людей таких дельных, веселых, всем довольных и трудолюбивых, как Фрэнсис Скримджир. Иногда по вечерам он играл на флейте, чтобы

доставить удовольствие отцу, которого он очень уважал за его душевные качества...»

Роберт Стивенсон

Повесть о доме с зелеными ставнями

* * *

Фрэнсис Скримджиэр служил чиновником шотландского банка в Эдинбурге. Ему было двадцать пять лет. Жизнь он вел спокойную, почтенную, тихо семейную. Мать его умерла, еще когда он был молод, но его отец, человек здравомыслящий и честный, дал ему превосходное школьное образование и развил в нем привычку к порядку и умеренности. Фрэнсис служил усердно, отдавался своему делу всей душой. Субботняя прогулка, обед дома в семье, ежегодно двухнедельная поездка в шотландские горы или на континент – таковы были его главнейшие развлечения. Начальство любило и ценило его с каждым днем все больше и больше, он получал уже двести фунтов в год жалованья и имел в виду дослужиться напоследок до места с вдвое большим окладом. Мало было молодых людей таких дельных, веселых, всем довольных и трудолюбивых, как Фрэнсис Скримджиэр. Иногда по вечерам он играл на флейте, чтобы доставить удовольствие отцу, которого он очень уважал за его душевные качества.

Однажды он получил письмо от известной фирмы «Писцов королевской печати», в котором эти «писцы» выражали желание повидаться с ним и приглашали пожаловать для переговоров. На письме была пометка: «В собственные руки. Секретно» и было оно адресовано в банк, а не на квартиру. Он поспешил отправиться в помещение этой адвокатской конторы. Его принял главный член фирмы, мужчина с очень строгими манерами, важно поздоровался с ним и пригласил садиться. В отборных, точных выражениях старого опытного дельца юрист изложил Фрэнсису сущность дела. Лицо, не желающее открывать своего имени, но о котором адвокат имеет все причины быть самого хорошего мнения, лицо притом довольно влиятельное, намеревается предоставить Фрэнсису ежегодный доход в пятьсот фунтов. Капитальная сумма будет находиться под надзором адвокатской фирмы и двух попечителей, которые тоже не откроют своих фамилий. Разумеется, это делается под известными условиями, но адвокат полагает, что эти условия не тяжелы и не унизительны. Последние два слова адвокат повторил два раза с выразительным подчеркиванием.

Фрэнсис пожелал узнать, что за условия.

– Условия не унизительные и не обременительные, – сказал «писец королевской печати», – как я уже говорил вам два раза и говорю в третий. Но вместе с тем я не скрою от вас, что они довольно необычны. К вам они очень мало подходят, и я бы даже отказался брать на себя это дело, если бы

не громкая репутация моего доверителя и, смею прибавить, не моя симпатия к вам, мистер Скримджиэр, возбуждающая во мне желание принести вам посильную пользу.

Фрэнсис попросил у адвоката дальнейших объяснений.

— Вы не можете себе представить, как меня заинтересовали эти условия, — сказал он.

— Их два, — отвечал юрист, — всего только два, а между тем сумма, напоминая вам, составляет пятьсот фунтов в год и притом без вычетов, — я забыл прибавить, — без вычетов. Доход чистый.

В знак особой торжественности адвокат высоко приподнял брови.

— Первое условие замечательно по своей простоте, — сказал он. — Вы должны быть в Париже в воскресенье пятнадцатого числа днем. Там вы в кассе театра «Comédie Française» спросите купленный на ваше имя билет, который будет вас там дожидаться. Затем вас только просят просидеть в течение всего представления на отведенном для вас месте. Вот и все условие.

— Я бы предпочел, чтобы это было в простой день, а не в воскресенье, — сказал Фрэнсис. — Но так как это в дороге...

— И притом, любезный сэр, в Париже, — с предупредительностью подсказал адвокат. — Я сам очень строго соблюдаю воскресные дни, но для такого дела и вдобавок в Париже я бы не стал ни минуты колебаться.

Оба засмеялись очень весело.

– Другое условие важнее, – продолжал адвокат. – Оно касается вашей женитьбы. Мой доверитель, принимая самое живое участие в вашей судьбе, желает, чтобы вы выбрали себе жену исключительно по его указанию. Понимаете: исключительно и безусловно, – повторил адвокат.

– Пожалуйста, нельзя ли яснее, – попросил Фрэнсис. – Значит ли все это, что я должен буду на ком-то жениться, на вдове или на девушке, на брюнетке или на блондинке, по выбору той невидимой личности, о которой вы говорите?

– Я могу вас заверить, что ваш благодетель принял во внимание все: и возраст, и положение в обществе, – отвечал адвокат. – Только вот насчет происхождения я ничего не знаю, не имел возможности справиться. Но, если вы желаете, я это сделаю при первом удобном случае и дам вам знать.

– Ведь еще остается узнать, сэр, – сказал Фрэнсис, – не обман ли какой-нибудь все это дело? Тут все необъяснимо, даже можно сказать невероятно, и пока на это дело не прольется больше света, я в сделку не вступаю, это я говорю вам прямо. Вы должны познакомить меня с самой сутью дела, и если вы ее не знаете, или не угадываете, или не можете мне сказать, – связаны обещанием, – то я, простите меня, надеваю в таком случае шляпу и ухожу обратно в банк.

– Я не знаю, но отлично догадываюсь, – отвечал адвокат. – Корень всему этому делу, с виду такому странному, ваш отец и еще одна личность.

– Мой отец! – воскликнул с крайним пренебрежением Фр-

энсис. — Почтеннейший сэр, я знаю каждую мысль в голове моего отца и каждую копейку в его кармане.

— Вы меня не поняли, — сказал юрист. — Я говорю не о мистере Скримджиэре старшем. Он вам совсем не отец. Когда он и его жена приехали в Эдинбург, вам было уже около года, между тем как на их попечении вы находились только три месяца. Секрет соблюдался очень старательно, это факт. Ваш отец неизвестен, и я вновь повторяю, что, по моим догадкам, переданные мною вам предложения исходят не иначе, как от него.

Невозможно себе представить изумление Фрэнсиса Скримджиэра при этом неожиданном сообщении. Он поделился своим смущением с адвокатом.

— Сэр, — сказал он, — после такого короба новостей вы мне должны дать несколько часов на размышление. Я сегодня вечером вам скажу свое окончательное решение.

Адвокат похвалил его за осмотрительность, и Фрэнсис, выдумав для банка какой-то предлог, отправился за город и долго гулял там, со всех сторон обдумывая дело. В конце концов — ведь пятьсот фунтов в год, а условия хотя и странные, но вовсе не особенно страшные. И потом он открыл, что ему очень не нравится его фамилия — Скримджиэр, хотя раньше он ничего такого не замечал. Наконец, эта его теперешняя жизнь с крохотными, узкими, скучными интересами... Домой он уже возвращался с каким-то новым ощущением силы и свободы, делая самые радостные предполо-

жения.

Он сказал адвокату только одно слово и тут же получил от него чек за две четверти года, так как доход ему сосчитан был с первого января. С чеком в кармане он пошел домой. Скотланд-стрит показался ему таким ничтожным и грязным, его обоняние впервые запротестовало против запаха щей, а дома ему вдруг что-то не понравились манеры его приемного отца. На следующий же день он уехал в Париж.

В этом городе, куда он приехал задолго до назначенного срока он остановился в одной скромной гостинице, посещавшейся англичанами и итальянцами, и сейчас же занялся французским языком, с этой целью пригласил к себе учителя на два урока в неделю и стал вступать в разговоры с фланерами на Елисейских полях. Каждый вечер стал ходить в театр. Нашил себе костюмов по самой последней моде. Брился и причесывался каждое утро в соседней парикмахерской. Словом, сделался совсем парижанином.

Наконец, в субботу днем, он явился самолично в кассу театра на улице Ришелье. Только что он сказал свою фамилию, как ему подали билет в конверте с его адресом.

– Сию минуту только его для вас купили, – сказал кассир.

– В самом деле? – сказал Фрэнсис. – А каков был из себя тот, кто брал билет?

– О, его легко запомнить, старик, очень крепкий и красивый, весь седой, на лице рубец от сабли. Сразу можно его узнать среди тысячи людей.

– Благодарю вас, сэр, – сказал Фрэнсис.

– Он не мог уйти далеко, – прибавил кассир, – если вы поскорее пойдете, то непременно догоните его.

Фрэнсис не заставил повторять себе этот совет два раза и выбежал из театра прямо на середину улицы, озираясь во все стороны. Много пересмотрел он седых людей и всем заглядывал в лицо, но ни одного не оказалось с рубцом от сабли. С полчаса ходил он по всем соседним улицам, пока не убедился в нелепости своих поисков. Тогда он прекратил их и остановился, стараясь успокоить свое возбуждение. Молодого человека глубоко волновало сознание, что около него где-то близко находится настоящий виновник его приключений.

Случилось так, что ему пришлось идти по улице Друо, а потом по улице Мучеников. И случай в данном деле послужил ему на пользу лучше всяких предположений в мире. На бульваре он увидел двух мужчин, которые сидели на скамейке и вели между собой очень серьезную деловую беседу. Один был молодой, смуглый и красивый, на нем было обыкновенное светское платье, но вся наружность изобличала в нем духовное лицо. Другой как раз подходил под описание, сделанное театральным кассиром. У Фрэнсиса сильно забились сердце в груди, он знал теперь, что скоро услышит голос своего отца. Сделав большой обход, он подобрался к беседующим и беззвучно поместился позади них. Разговор, как и ожидал Фрэнсис, происходил на английском языке.

– Ваши подозрения начинают мне, Ролльс, надоедать, –

говорил старик. — Я вам говорю, что я делаю, что могу. В одну минуту миллионов не схватишь рукой. Разве я не подерживаю вас, совершенно постороннего мне человека, по своей доброй воле? Разве вы не пользуетесь широко моей щедростью?

— За счет будущих благ, мистер Ванделер, — поправил его собеседник. — Ведь это все дается мне в долг и потом вычтется.

— Ну, в долг, если это вам больше нравится. И не по доброй воле, а только из-за выгоды, — с сердцем возразил Ванделер. — Я не стану спорить из-за слов. Дело так уж дело, а с вами делать дело очень трудно при подобных условиях. Что-нибудь одно — или вы доверьтесь мне, или уж оставьте меня и найдите себе кого-нибудь другого. Но только покончите, ради самого Господа, раз навсегда с этими вашими иеремиадами.

— Я начинаю узнавать людей, — отвечал младший, — и вижу, что вы со мной неискренни, поступаете нечестно. Другого выражения не подберу. Вам хочется удержать алмаз за собой, вы не решитесь это отрицать, я знаю. Я понял причину ваших оттяжек и отсрочек, вам хочется выждать время, вы настоящий охотник за алмазами, это верно, и рано или поздно тем или другим способом, не мытьем так катаньем вы добьетесь своего. Но я говорю вам, довольно. Остановитесь. Не выводите меня из терпения. Еще один шаг дальше — и я устрою вам сюрприз.

– Не угрожайте, пожалуйста, не страшно, – возразил Ванделер. – Палка-то ведь о двух концах. Мой брат сейчас в Париже. Полиция поставлена на ноги. И если вы не перестанете надоедать мне своим мяуканьем, то я сам приготовлю некоторый сюрприз для вас, мистер Ролльс. Но только это будет уже раз навсегда. Вы поняли, или я должен повторить вам все опять на еврейском языке? На свете всему бывает конец, пришел конец и моему терпению. Так вот-с – вторник, в семь часов. Ни на один день, ни на один час позднее. Ни на малейшую долю секунды, хотя бы дело шло о спасении вашей жизни. Если же вы не желаете ждать, то убирайтесь вон, провалитесь хоть в тартарары, мне все равно, и будьте здоровы!

С этими словами диктатор встал со скамейки и пошел по направлению к Монмартру, с самым свирепым видом, трясая головой и размахивая палкой, а его собеседник остался на месте в полном унынии.

Фрэнсис был просто вне себя от ужаса и удивления. Его чувства были оскорблены и возмущены до последней степени. С какой надеждой, с какой нежностью в сердце садился он на скамью – и к какому пришел разочарованию и отвращению! Старик мистер Скримджиэр, думалось ему, гораздо добрее и благонадежнее этого опасного и жестокого интригана. Однако он сохранил в себе полное присутствие духа и не упустил ни одной минуты, а сейчас же погнался по горячему следу за диктатором.

Старый джентльмен шел быстрым шагом вперед, подго-

няемый яростью, и дошел до своего дома, ни разу не оглянувшись назад.

Его дом находился на улице Лепик, с которой открывается вид на весь Париж, и где такой чистый воздух от окрестных холмов. Дом был двухэтажный с зелеными оконными ставнями. Все окна, выходявшие на улицу, были плотно закрыты. Из-за высокой ограды сада видны были вершины деревьев, а сама ограда, кроме того, была еще прикрыта *cheveux de frise*. Диктатор остановился, достал из кармана ключ, потом отпер калитку и вошел во двор.

Фрэнсис огляделся кругом. По соседству с домом было пустынно. Дом стоял одиноко в саду. Сначала ему показалось, что больше нечего и осматривать, но когда он во второй раз поглядел кругом, то увидел рядом другой большой дом, одно из верхних окон которого выходило как раз в тот же сад. Он прошел мимо этого дома и увидел билетик с объявлением о сдаче помесечно комнаты без мебели. Он зашел, спросил и узнал, что окно в сад диктатора принадлежит как раз к одной из сдающихся комнат. Фрэнсис тут же заплатил вперед и поехал в гостиницу за своим багажом.

Старый джентльмен мог быть и не быть его отцом, Фрэнсис мог напасть, но мог и не напасть на верный след, но в одном он был убежден, что он добрался случайно до какой-то интереснейшей тайны, и эту тайну он задумал узнать до конца.

Из окна комнаты, нанятой Фрэнсисом Скримджиэром,

виден был, как на ладони, весь сад при доме с зелеными ставнями. Под самым окном рос красивый, развесистый каштан, а под ним в тени стояли два простых деревянных стола, за которыми в летнюю жару, вероятно, обедали. Везде в саду была густая трава, но между столами и домом шла усыпанная песком дорожка от веранды к садовой калитке. Осматривая местность через промежуток между створками венецианского ставня, которого он, из осторожности, не открыл совсем, чтобы не обратить на себя внимание, Фрэнсис ничего особенного не заметил относительно образа жизни обитателей дома, кроме очевидной любви к таинственности и уединению. Сад был похож на монастырский, а дом напоминал тюрьму. Зеленые ставни были везде закрыты, дверь на веранду затворена. В саду, насколько можно было заметить при вечернем солнце, не было никого. Только маленькая струйка дыма, выходявшая из трубы, указывала на то, что в доме живут люди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.